

щев разъяснил, что «в порядке летописи где что изъяснения или от чужестранных и доказательства требовались, оное я, числами назнача, особно приобщил».¹² Таких примечаний в первой редакции второй части татищевского труда набралось пятьсот, а по размеру на 366 страниц текста собственно «Истории» пришлось 94 страницы примечаний.

Итак, навряд ли даже в первой редакции второй части (охватывающей время от Рюрика до татарского нашествия) Татищев был своего рода завершителем летописного периода истории нашей историографии. Новыми были здесь мотивы следования летописному типу изложения, совершенно новым был и прием ученого комментирования. Дело особого исследования, в какой мере Татищев следовал поставленным им себе задачам и приемам составления своего труда в этой первой его редакции. Но это особая тема, возбудившая в прошлом немало споров, не затихших и в наши дни.

Собираясь послать в Академию наук эту часть «Истории российской» как «часть оконченную и набело переписанную» с «примечаниями, регистры и партреты князей великих», Татищев писал И. Д. Шумахеру 1 мая 1746 г., что «сия, чаю, не более, как в архиву или библиотеку академическую годна».¹³ Так и случилось: эта первая редакция второй части пролежала в Академической библиотеке более двухсот лет и увидела свет только в 1964 г. Категорическое признание Татищевым непригодности для печати этой редакции его труда было последствием новых его размышлений о задачах, которые следует поставить перед сочиняемой им «Историей российской». Вкратце эти размышления изложены Татищевым в его письмах 1746 г. К. Г. Разумовскому. Здесь Татищев возмущается тем, что в изображении своего исторического прошлого «Россия от чужестранных принуждена терпеть наветы и поношения». Татищев видел причину таких безнаказанных искажений иноземными историками русской истории именно в том, как относились к истории своего отечества в современной ему России. Он писал Разумовскому: «Сие недивно и сердится нам правильно нельзя для того, что у нас гисторическое искусство и труд презирают; не токмо сами трудится не хотят, но другим от незнания или злости препятствуют».¹⁴ Подобные соображения привели Татищева к заключению, что если все это «правильною и порядочною историею исправлено не будет, то клеветы за старением в истину вменяются».¹⁴

Те же мысли Татищев изложил в обстоятельном «Предызвещении» ко всему своему труду. Татищев так здесь писал: «Наипаче же нужна сия гистория не токмо нам, но и всему ученому

¹² Там же, т. IV, стр. 39.

¹³ Исторический архив, т. VI. М.—Л., 1951, стр. 250.

¹⁴ Там же, стр. 263.